

УДК 1(091)+574

Светлана Викторовна Оболкина
кандидат философских наук
старший преподаватель кафедры философии
Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
(343) 362-34-08

ОБЩАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ КАК ВЕРСИИ НАУЧНОЙ СТРАТЕГИИ

Статья содержит краткий анализ философско-культурологических и методологических предпосылок общей и социальной экологии. Автор полагает, что общая экология в отличие от социальной демонстрирует необходимую адекватность предметной и методологической составляющих, поэтому обращение к ее методологическому тезаурусу позволяет увидеть перспективы новой, более эффективной научной стратегии экологии.

Общая экология, социальная экология, эволюционистская парадигма, редукционизм, энергетический подход, культура, цивилизация.

Понятие «экология» сегодня функционирует в двух основных смыслах. В широком и несколько размытом значении оно используется в качестве определенного синонима понятия «окружающая среда», в более строгом смысле – в качестве названия научной дисциплины. Термин, введенный в 1866 г. Эрнстом Геккелем во «Всеобщей морфологии организмов», означал «науку о связях между организмом и окружающим его внешним миром». То есть уже изначально были заданы ключевые понятия экологического знания: «взаимосвязь», «организм» и «окружающий мир», которые задают направление для формирования предмета экологии. Эта научная дисциплина исследует основные закономерности взаимодействия сообществ организмов с окружающей их средой и функционировании биокосной системы как целого.

История экологии в определенной мере тождественна истории биологии, поэтому трудно определить исторический момент выделения этой молодой науки в особую научную дисциплину. В первую очередь важно появление и формирование специфичного предмета исследования. Только современные условия в полной мере позволили выделиться предмету экологии из комплекса общебиологического знания: взаимоотношение организмов с окружающей средой исследуются в контексте экологического кризиса.

Формирование самостоятельной науки связано не только с предметной, но и с методологической спецификой. Наука неизбежно остается «сателлитом» породившего ее знания, если не испытывает потребности в собственных методологических основаниях или не имеет возможности их формирования. С этой точки зрения экология опять же берет свое начало в общебиологических исследованиях, но постепенно формируется особое методологическое измерение: она интересуется не столько структурными, сколько функциональными сторонами живого. Таким образом, для экологии специфично исследование не просто изменений организма, а целой системы зависимостей, когда в результате изменения какого-либо фактора почти одновременно (синхронно) множество элементов, составляющие экосистему, перестраивают свою жизнедеятельность.

Всякий организм сохраняет свои структурные и функциональные свойства лишь при определенных значениях параметров внешней среды; окружение – это не пространство, в которое помещен предмет, а сложная система взаимоотношений. Этот методологический принцип, который уже изначально характерен для экологии, постепенно расширяется до обобщенного экологического принципа, который востребован сегодня практически всей наукой. Его можно сформулировать так: любой объект существует только в определенном окружении. Процесс формирования науки экологии сегодня еще в активной стадии, но уже сейчас можно выделить два основных рукава экологических исследований: *общая и социальная экология*.

Общая экология исследует жизнедеятельность организмов в конкретной окружающей среде. Эта дисциплина кровно связана с биологией, их категоричное разделение будет искусственным. Но для общей экологии важен особый угол зрения на биологическую реальность: она исследуется как иерархичная система. Космический, геологический, биосферный уровни, а также иерархичная организация биологической системы – от вида к гену, образуют сложную систему, для которой разноуровневость имеет решающее значение. Каждый уровень обладает известной автономностью, но в то же время связан как с низшим, так и с высшим. Для обозначения специфики этой связи экология применяет понятие *единой системы позиционного контроля*. Это понятие отражает особую форму причинности, характерную для функциональных экологических исследований – синхронизм. Для общей экологии очень важно внимание к процессуальности, взаимозависимости, одновременности изменений на разных иерархических уровнях системы.

В современных экосистемах и экосистеме макромасштаба – биосфере – огромную роль играет человек, причем не столько как биологический вид, сколько как творец надбиологических образований – культуры, техники. Соответственно, специфична цель эко-

логических исследований: это не только описательно-теоретические задачи, но и в большей степени практический аспект преодоления экологического кризиса. Этот момент особенно акцентируется в **социальной экологии**.

Особенность данной научной дисциплины в том, что она представляет собой синтез естественнонаучного исследования и нормативно-организационного творчества в отношении глобальной социальной системы. Социальная экология мыслит своим предметом скорее практическую задачу перевоспитания современного человека на основе тех представлений об экологической действительности, которые и формирует как форма знания. Ее концепции можно объединить в два направления, условно назвав их *прогрессистским* и *неоромантическим*.

Прогрессистское направление полнее всего представлено общественной организацией Римский клуб, который объединяет около 70 предпринимателей, управляющих, политических деятелей, деятелей культуры и ученых. Его деятельность началась в 1968 г. со встречи в Академии Деи Линчеи в Риме. Финансирование клуба берут на себя крупнейшие промышленные компании Европы («Фиат», «Фольксвагенверк» и др.). Римский клуб в начале 1970-х гг. предложил ученым проанализировать проблемы, связанные с ограниченностью ресурсов Земли. Ряд моделей, выполненных с применением компьютерных технологий, легли в основу стратегии клуба: донести до человечества беспокойство о катастрофичности ситуации и предложить ряд мер ради достижения «глобального равновесия». Проекты Римского клуба оформляются в идею единой глобальной стратегии человечества под управлением некоего общеевропейского комитета. На основании проведенных исследований Римский клуб выдвигает ряд положений.

В следующее столетие мир подойдет к пределам роста, поскольку процесс истощения запасов невозобновляемых ресурсов, рост численности населения и капитала принимают неуправляемый лавинообразный характер. Следовательно, необходимо добровольное ограничение роста деторождения и отвлечение капитала от производства потребительских товаров, требующего притока невозобновляемых ресурсов.

Римский клуб ставит проблему в двух плоскостях. Требуются масштабные изменения в культурном развитии человечества; соответственно, требуются огромные экономические затраты на осуществление этих изменений. Поэтому политика Римского клуба (и исследовательская, и общественно-практическая) теснейшим образом связана с экономикой. А именно: благодаря управляемому развитию мировой социально-экономической системой предлагается осуществить трансформацию культур мирового сообщества в некую единую культуру (так называемые установки *мондиализма* и *глоба-*

лизма), которая, в свою очередь, будет формировать новые качества человека – развитое экологическое сознание. Поэтому важна для Римского клуба и область надэкономических задач: например развитие соответствующих психологических качеств человека связывается в том числе с воздействием новых синтетических религий.

Неоромантическое направление социальной экологии не является столь концептуально разработанной программой действий. Но общей чертой – а это родовая черта социальной экологии – является попытка решать экологические проблемы посредством формирования характеристик сознания человека. Однако если прогрессистская линия больше рассчитывает на отказ от некоторых свобод, то неоромантическая предполагает возвращение человеку некой доцивилизационной свободы, в том числе в отношении к природе. Предлагается возродить такую непосредственную форму общения с природой, такую культуру социально-природного взаимодействия, которой обладало архаическое общество, то есть синкретичную форму восприятия мира, в которой не существует разрыва между природой и человеком. Подобное мышление, по мнению представителей неоромантического направления, проявится в максимальном сближении экологических и духовных ценностей на новом витке языческой культуры [2, с. 518].

Общим моментом этих двух направлений социальной экологии является, во-первых, своеобразное использование собственно науки экологии. Она мыслится скорее только поставщиком данных о неблагополучии, но решение проблем этого неблагополучия переносится социальной экологией в иную, чаще всего и вовсе ненаучную сферу: от глобальных социально-экономических проектов до глобальных мировоззренческих движений типа «Нью-Эйдж». В этой перспективе перед экологией встает важный вопрос: может и должна ли экология и как естественнонаучная дисциплина (главным образом общая экология) полноценно участвовать в формировании решений по проблемам экологического кризиса?

Конечно, экологическая проблематика включает в себя гуманитарную составляющую в значительном объеме. Решая экологические проблемы, наука (главным образом социальная экология) по сути предлагает решения и традиционных культурологических проблем. Неизбежен ее выход на проблему соотношения культуры и цивилизации. Поэтому представляется важным рассмотреть философские и культурологические установки, которые лежат в основе современных проектов преодоления экологического кризиса в рамках социальной экологии.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что логика мысли представителей и прогрессистской, и неоромантической линий движется в круге *эволюционистской парадигмы культурологии*. Именно в пределах этой парадигмы допускается единство челове-

ского рода. Кроме того, развитие культуры предполагается по умолчанию неким единообразным линейным процессом от простого к сложному. При этом положительными качествами наделяются либо более ранние стадии процесса, либо более поздние. Для неоромантической версии социальной экологии это ранние – архаичные – стадии. Представители прогрессистской линии, наоборот, надежды на достойный образ жизни человека в природе связывают с прогрессом человеческой культуры, с уходом из архаичного бытия. При этом нынешняя стадия вполне закономерно мыслится хоть и более совершенной, но недостаточно прогрессивной. Например, А. Печчеи – президент Римского клуба – в своей книге «Человеческие качества», рассуждая о достижениях технического прогресса, говорит: «Я менее всего склонен отрицать благородство всех этих свершений и планов, особенно если сравнить их с убогим, ограниченным и полным опасностей существованием, которые влачил род человеческий на протяжении предшествующих столетий» [4, с. 42-43]. Поэтому надежды возлагаются именно на дальнейший прогресс, который, однако, будет уже контролируемым со стороны определенного глобального управляющего органа.

И в той, и в другой линии социальной экологии важна проблема соотношения культуры и цивилизации, которая имманентна эволюционистской парадигме. Проблема соотношения культуры и цивилизации представляется как проблема соотношения противоположных установок. Культура гуманистична, цивилизация инструментальна. Для культуры характерно развитие духовного, для цивилизации – материального начал.

Следует проследить исторический путь формирования проблемы. В конце XIX в. немецкий социолог Фердинанд Теннис противопоставил понятия, характеризующие различные формы социальной организации: «община» (*Gemeinschaft*) и «общество» (*Gesellschaft*). В *общине* отношения коренятся в эмоциях, привязанности, душевной склонности, они и создают общности типа семьи, соседства, рода, а также этноса и нации. Для *общества* характерны отношения на основе рационального поведения. Эти отношения, подчеркивают исследователи, могут существовать не только между членами общины, но даже и между врагами, то есть в рамках единой рациональной системы благодаря сознательному решению участвующих сторон. Природа этих отношений, по мысли Тенниса, внешняя, то есть коренится она уже не в личностно-эмоциональных основаниях человека; центром их является не сам человек, но вещь. Взаимодействующие стороны же рассматриваются как «формальные лица». Именно такие взаимоотношения характеризуют общество, вышедшее в своем развитии на стадию цивилизации. Теннис обобщает, что развитие отношений в истории человеческого общества связано с утратой культурной компоненты в пользу цивилиза-

ционной. Идеи Тенниса были органичны для Германии XIX в., остро переживающей состояние культурного единства и одновременно социально-политической раздробленности, но оказались востребованы и всей европейской мыслью, которая зачастую радикализовала противопоставление культуры и цивилизации.

Мы можем увидеть, что сегодня в социальной экологии эта идея противостояния цивилизации и культуры востребована на глубинном уровне представлений – в качестве мировоззренческих предпосылок. Однако возникает вопрос: насколько сама экология органично чувствует себя в условиях, которые формируются этими предпосылками?

Как уже отмечалось, методологическим базисом экологических представлений является идея системности, холистической, а не механической причинности. Эволюционистская же культурологическая парадигма основана на противоположном методологическом основании: это механицизм, а именно – редукционизм, то есть представление, что элементарные единицы, взаимодействуя, создают особенности системы в целом; части определяют целое. В отношении экологической проблематики это означает: если взаимоотношения Я и Другого наполнены душевной привязанностью, мы говорим о доминировании культуры, если они развиваются в системе формальных отношений – о цивилизации. И первые отношения предпочтительнее вторых. В контексте проблемы экологического кризиса Другой – это природа, поэтому социальная экология предлагает воздействовать на человека на уровне интимных (например религиозных) представлений, этнически-национальной идентификации (в романтической линии) и таким образом трансформировать индивидуального человека, его душевные качества и систему ценностей. Трансформация элемента, согласно представлениям социальной экологии, приведет к трансформации целого. Таким мыслится путь достижения социально-природного единства как взаимоотношений культуры, а не цивилизации.

Однако если быть методологически более последовательными, то для решения экологических задач мы должны воспользоваться тем методологическим инструментарием, который и развивает экология. Для экологических решений идеи иерархизма, разноуровневости организации сложной системы являются жизненно важными. Принцип иерархизма в экологической интерпретации рассматривает подсистемы как автономные энергетические циклы (например биогеоценозы в биосфере), единство которых выстраивается не в линейной зависимости, а согласно принципу синхронизма – *принципу единого позиционного контроля*. Таким образом, идея уровней, масштабов, взаимосвязанных и одновременно свободных в применении к системе человеческих взаимоотношений отрицает линейную причинную связь между индивидуумом и социальной системой

в целом, позволяет почувствовать разноразмерность в этой системе отношений и специфику каждого уровня.

Уровень взаимодействия, на котором важен личный контакт, общение Я и Другого – это уровень культуры. Культуру нельзя «оторвать» от ее носителей, от непосредственных контактов. Как сказал Ф. Бок, культура – это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом. Это, скорее, категория эстетическая, то, что чувствуется, переживается индивидуумом; то, что зачастую характеризуется моментами случайности, непредсказуемости, описывается в терминах индивидуальности и несхожести. Тогда как уровень взаимодействия социальных институтов (или индивидуальных людей, но являющихся при этом представителями социальных институтов) – это, скорее, общение функций, а не личностей. Именно на этом уровне взаимодействия формируется то, что характеризуется как цивилизационная компонента общества (рациональность, формализованные отношения, устроенность системы). И этот уровень не отменяет культурный; человек живет одновременно на различных уровнях взаимодействия культуры и социальности, при этом не растворяясь ни в том, ни в другом как индивидуум.

Современные системные исследования показывают, что адекватнее всего отношения социальных институтов описываются с позиций энергетических: это система, которая стремится к состоянию, требующему меньших затрат на поддержание своих структурных связей. Здесь «выгодно» или «невыгодно» – действительно существенные характеристики, а не признаки порочности. Если энергетически выгодно одно решение, то именно оно и будет воспроизводиться социальной системой. Поэтому если экологические предписания не выгодны для существования какого-то социально-экономического института (например промышленности), то даже в условиях, когда на индивидуальном уровне все культурные субъекты относятся к природе сочувствующе и с особым душевным чувством, ситуацию это вряд ли исправит.

Следует подчеркнуть важность философской рефлексии тех культурологических установок, которые вошли в предпосылочный базис экологии. Сегодня, когда одним из субъектов общественных отношений, субъектом, требующим уважения своих прав, стала окружающая среда, очень важно успешно и философски грамотно перенести экологические требования на уровень именно *социальности*, то есть *уровень цивилизационной устроенности общества*.

Для небольших и мобильных социальных систем (например североевропейских государств) трансформация взаимодействия социальных институтов (правовых, экономических, политических, института общественного мнения) на сегодняшний день проходит более успешно, чем, например, в России. Должна ли в этом случае идти речь о том, что в России не хватает именно личностно-эмоционального

восприятия ценности природы и его еще только требуется выработать – либо вернув России ведическую культуру, либо уничтожить ее самобытность в «горниле» единой глобальной культуры? Думается, философская рефлексия проблемы соотношения культуры и цивилизации позволяет отойти от этих мировоззренческих утопий в пользу научного анализа. В небольших странах северной Европы удается такая организация социального взаимодействия (именно институтов, а не личностей), когда экологически грамотное отношение – это выгодная форма их взаимодействия. Тогда как в России мы по-прежнему мыслим в терминах и установках эволюционной парадигмы культурологи, в механистическом «режиме» функционирования проблемы культуры и цивилизации. Поэтому к социальному субъекту предъявляются требования, которые относимы к личности.

От конкретного человека, действительно, мы вправе ожидать выбора ответственного, трудного решения в ряду возможных, поскольку только в отношении личности мы можем говорить о свободе выбора – свободе действовать *вопреки* естественному ходу развития вещей. Уровень металичный – вне контекста свободы. Здесь функциональные зависимости, и это – энергетический контекст; выбор определяется не свободным решением, а системой энергетических градиентов. Только потому, что уровень социальных институтов – все-таки мир людей, мы не должны поддаваться просветительскому соблазну приписать элементам этого уровня характеристики личности. Будучи даже человеческой, эта система остается металичной, она функционирует, то есть живет по энергетическим законам (где изменение одного параметра напрямую, а не через свободный выбор, связано с изменением другого параметра). А рассматривать характеристики системы в прямой причинной зависимости от характеристик личностей, входящих в эту систему не что иное как методологическая «привычка» редуционизма.

Подобного рода методологический подход диктует стратегию развития экологической проблематики преимущественно в сторону усиления репрессивных мер – как попытку своего рода его «перевоспитания». Промышленное предприятие, для которого экологический контроль сводится к штрафам, мыслится как личность, которая продемонстрировала свою порочность, за что и должна быть наказана. Этот подход устойчиво демонстрирует свою неэффективность, но в отсутствие действительно научного подхода к экологическим проблемам не преодолевается.

Именно общая экология как такая форма науки экологии, которая и на стадии вопросов, и на стадии ответов остается в пределах своей научной проблематики, может существенно трансформировать наше понимание пути преодоления экологического кризиса.

Во-первых, общая экология убедительно доказывает несостоятельность некоего глобального решения. Если сегодня мы, наконец, включаем в орбиту агентов взаимодействия окружающую среду, то это не природа вообще (как это мыслится, например, Римским клубом), а всегда конкретная экологическая система. Данная серьезная философская проблема абстрактного и конкретного была поставлена еще В.Ф. Гегелем и разрабатывалась в свое время советской школой философии. Конкретное мышление противопоставляется абстрактному как действительно познавательное – многогранное и активное. Экология подтверждает эту мысль на новом этапе очень насущной практической озабоченности человека: мы с необходимостью должны знать требования *конкретной* экосистемы, ее реактивные способности, условия взаимодействия в конкретной химической среде (в частности в условиях контактов с конкретным производственным комплексом). Только на этом уровне решения трансформация взаимоотношений человека и окружающей среды может идти по пути экологических грамотных решений. Как указывает академик С.С. Шварц, если внимательно изучить конкретную экосистему, то большого эффекта зачастую можно добиться очень малыми, но точными средствами (например химического воздействия) [1]. В этих условиях требования конкретного, а не абстрактного глобалистского подхода роль научного вклада экологии в решение проблемы кризиса значительно возрастает. Причем особенно важны в этом смысле экологические научные центры именно регионального уровня, поскольку именно они имеют дело с конкретикой экосистем своих регионов. Что, соответственно, требует, усиления их роли и влияния на региональные политические и правовые институты.

По этому поводу стоит упомянуть еще одну развивающуюся дисциплину экологии – *экологическую социологию*. Ее предмет – экологическая компетенция власти (политических партий). Примером исследований этой экологической дисциплины является проведенное Академэкоцентром при Институте экономике УрО РАН по заказу Главного управления по радиационной и экологической безопасности администрации Челябинской области сравнительное социологическое исследование деятельности политических партий и общественных объединений Южно-Уральского региона [3].

Какой же может мыслиться в этом случае роль таких глобальных организаций, озабоченных экологической проблемой, как Римского клуб? Скорее всего, это должны быть не проекты развития всего мира во всех ипостасях его деятельности, а контроль за высоким общественно-правовым статусом тех экологических решений, которые формирует именно наука экология. Экологические глобальные организации могут и должны следить за неангажированностью принятия отдельных решений местных (национальных и региональных) экологических деятелей (что может пониматься как

борьба с «карманными экологами» – очень распространенным явлением в условиях репрессивной экологической политики). Совершенно не случайно в условиях, когда научный авторитет имеет в большей степени социальная, а не общая экология, громкие глобальные решения на региональном уровне оборачиваются только такими «карманными» экологическими экспертизами. Для изменения ситуации требуется, чтобы экспертизу прошла сама социальная экология – экспертизу своих философских предпосылок.

Если экологическая проблематика останется по преимуществу политико-экономической, если термин «экология» означает некий весьма размытый комплекс представлений, то формирование экологии как науки тормозится. В итоге тормозится решение насущных проблем современности на научном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Большаков В.Н., Добринский Л.Н.* Станислав Семенович Шварц. 1919–1976. М., 2002. 123 с.
2. *Марков Ю.Г.* Социальная экология. Взаимодействие общества и природы: Учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 2004. 543 с.
3. *Пацула А.В.* Экологическая социология. Челябинск, 2000. 134 с.
4. *Печей А.* Человеческие качества. М., 1980. 302 с.

RESUME

Svetlana Viktorovna Obolkina, Candidate of philosophy, professor of Educational department of philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343)362-34-08

General and Social Ecology as Versions of Scientific Strategy

The article contains brief analysis of philosophical-cultural and methodological prerequisites of general and social ecology. General ecology in contrast to social ecology demonstrates the object adequacy and methodological constituency. That is why the use of its methodological thesaurus enables foreseeing perspectives of new and more effective scientific strategy of ecology.

General ecology, social ecology, evolutionary paradigm, reductionism, energy approach, culture, civilization.

Материал поступил в редколлегию 31.03.2008 г.